

Коськов С.Н.,
доктор философских наук, профессор,
кафедра логики, философии и методологии науки,
Орловский государственный университет

Козволюция моделей науки и мировоззренческих установок (Часть 1)

В статье рассматривается взаимосвязь моделей науки с мировоззренческими установками в процессе исторического развития науки и философии. Основное внимание уделено формированию неклассической, так называемой субъект-объектной модели научного познания и особенно ее конвенционалистскому варианту.

Ключевые слова: наука, научное познание, модель науки, философия, мировоззрение, конвенционализм.

Koskov Sergey,
Doctor of Philosophy, the professor,
Faculty of logic, philosophy and methodology of a science,
The Oryol state university

Coevolution of science and models worldview (Part 1)

The article subject is the relation scientific models and philosophical views. The particular attention intended on the nonclassical scientific subject-object model and its conventional variant.

Keywords: science, scientific knowledge, scientific model, philosophy, conventionalism.

Когда в эпоху Просвещения наука стала претендовать на лидирующую форму общественного сознания, когда научное мировоззрение стало претендовать на функцию главного мировоззрения, когда дамы в светских салонах начали обсуждать научные проблемы, тогда, по сути дела, и началась настоящая критика науки и ее возможностей, ее роли, значимости и статуса истины, статуса ученого. Критика науки, как и ее апологетика получили свое обоснование в двух противоположных философских направлениях: иррационализме и рационализме (как в позитивистском, так и в априористском его вариантах) [1]. Данные процессы происходили непрерывно, правда, с переменным успехом для каждой из философских альтернатив в оценке возможностей науки. Но эти дискуссии отныне навсегда стали актуальными в силу огромной и все возрастающей социальной значимости науки как одного из факторов общественного развития [2]. Конкретизируем эту тематику на примере эволюции взаимосвязи моделей науки и мировоззренческих установок в ходе исторического развития научного познания.

Эта взаимосвязь четко прослеживается, например, при формировании уже в XVIII веке субъектно-объектной модели науки (И. Кант) [3], которая существенно отличалась от всех прежних, чисто объективистских моделей науки, в которых влияние субъекта научного познания на результаты научного познания, на содержание самого научного знания явно недооценивалось. Формирование такого критического подхода к науке и научному познанию, по сути дела, означало формирование новых ценностно-мировоззренческих ориентиров в отношении к науке в условиях меняющегося социокультурного контекста эпохи.

Естественным продолжением кантовского подхода к процессу научного познания явилось понимание научной истины сквозь призму деятельностной трактовки познания [4]. Вместе с тем, такая позиция привела не просто к пониманию ограниченности традиционной рационалистической интерпретации процесса научного познания как чисто понятийной формы мышления, но и к нарастанию явно выраженной скептической и даже иррационалистической тенденции в понимании возможностей науки достичь объективно-истинного знания о действительности. Одновременно с этим скепсисом происходило формирование антисциентистской позиции в отношении к науке как основному фактору общественного прогресса.

В качестве альтернативы кантовской субъект-объектной модели научного познания Гегель выдвинул свою концепцию о тождестве бытия и мышления [5]. Это стало мощным источником развития рационалистических и сциентистских позиций в понимании природы научного познания, а также формировании интерналистских моделей развития науки.

Именно критицизм, который подчеркивает огромную конструирующую способность человеческого сознания, то, что именно субъект формирует объект, отличает кантовскую философию науки от традиционного эмпиризма и рационализма эпохи Просвещения, чьи модели объектно-субъектных отношений можно назвать, по мнению Шеллинга, явным догматизмом, ибо в них объект полагался очевидно прозрачным для сознания и познания субъекта [6]. Эта догматическая предпосылка разделялась в равной степени как известными рационалистами Декартом и Лейбницем, так и не менее известными и влиятельными эмпиристами Бэконом и Локком.

Изменения социально-культурного контекста, которые завершились в начале XIX века становлением эпохи романтизма, привели, с одной стороны, к превращению политики в важнейшую форму общественного сознания, а, с другой, к превращению «малой науки» в «Большую науку». Занятие наукой все более становилось массовой профессией, а интеллигенция превращалась в значимую социальную силу. Эти процессы сопровождались изменением ценностных подходов в отношении исключительности позиции ученого как субъекта истинного познания и обоснованием массовости, демократичности процесса научного познания и его доступности для любого развитого индивида. Следствием и одновременно обоснованием такого отношения к занятию научной деятельностью стала разработка в философии такого раздела как методология науки, предметом которой считалось описание множества

четких, простых и однозначных правил открытия и обоснования научных истин.

Дальнейшее развитие критической ценностно-мировоззренческой позиции привело к такой философско-методологической программе, в которой активность субъекта познания стала вообще принципиально ничем не отличаться от активности субъекта любого рода деятельности. В результате объективное стало вообще интерпретироваться просто как особый способ и продукт деятельности субъекта [7].

Такое новое понимание соотношения ценностно-мировоззренческих установок и процесса научного познания было обусловлено отнюдь не содержанием частных наук, как это часто утверждали позитивисты, а постановкой и решением новых метанаучных и философских по своему статусу проблем. С изменением статуса носителя научности и наделения таким статусом любого человека как творчески-конституирующего субъекта встал вопрос и о переинтерпретации научного познания как чисто понятийно-логико-рационалистического процесса на более сложное его видение, на необходимость учета в нем эмоционально-чувственной, интуитивной компоненты как непосредственного, живого и целостного процесса обретения отдельным индивидом знания об объекте. В частности, основа философской конструкции процесса научного познания Бергсоном заключалась в утверждении, что каждое научное исследование в своей основе покоится на интуиции ученого и понимании им практического предназначения знания как средства адаптации к окружающей его действительности, как усиление жизненного мира человека [8]. Для традиционного же представления о науке ее главная цель – это погоня за некими объективными истинами, которая происходит через объективную форму восприятий, понятий, научной символики и т.д.

Несомненно, Бергсон затронул очень важную проблему человечества – связь соотношения познания и практики, специфики и жизненного смысла познавательной деятельности. В отличие от позитивистов и сциентистов, отождествлявших научную философию с общими выводами частных наук, Бергсон предлагал четкое различие и даже противопоставление философии и науки. В итоге философия оказывалась у него мировоззренческой конструкцией, которая базируется не на естественных науках, а на натурфилософском построении. Утилитаризм в понимании науки и ее исключительном служении социальной практике стал постепенно достаточно типичной позицией для всей нетрадиционной философии, в том числе и для представителей философии жизни [9].

Философия жизни характеризует также собой начало такого периода в истории мировоззрения, когда традиционное строгое разделение философии на гносеологию и онтологию перестало работать. В этой философии и сама познавательная деятельность субъекта и результат этой деятельности онтологизируются. Исследования конструктивной деятельности разума в науке и попытки выяснить все возможности этой деятельности раскрывают не только важные моменты в механизме исследовательской работы учёных, но и

приводят к возникновению нового понимания самого научного исследования [10].

Изменение социального статуса интеллигенции и критика науки конца XIX века способствовали также такому интересному движению в философии, как превращение чисто методологических программ философских исследований в мировоззренческие.

Ярким примером этого является эволюция неокантианства, которое попыталось, отталкиваясь от решения методологических проблем, ассимилировать и социальные проблемы. Если философы жизни изначально были сориентированы на социально-мировоззренческие проблемы, то неокантианцы и позитивисты были ориентированы в основном на методологические проблемы. Впоследствии наблюдался процесс конвергенции между ними, однако в большей степени развитие шло все же в направлении от методологических программ к философии, нежели в обратную сторону – от философии к методологическим программам.

Анализ этой эволюции выявляет еще одну типичную черту в развитии европейской философской мысли – движение от антиметафизики к метафизике, а от нее – к теологии. Например, феноменолог Гуссерль возвращается к Канту, своему классическому предшественнику. При этом он весьма негативно относится к Гегелю. Действительно, если Гегель снял трудности познавательного процесса постулатом о тождестве бытия и мышления, то Гуссерль, как и Кант, пытается построить чистую («строгую») теорию познания, не выходя за пределы самого сознания как такового. Закономерным явился тот факт, что если в начале своего творческого становления Гуссерль выступил как методолог, то в конце своего жизненного и творческого пути Гуссерль уже приходит к необходимости изучения жизненного мира отдельного человека, его ценностно-психологической наполненности, тому, чем он пренебрегал вначале.

На фоне противопоставления методологических и мировоззренческих программ одновременно появляется множество вариантов синтеза этих программ в единую целостную конструкцию. Среди этих попыток особенно интересным и значимым является, по нашему мнению, конвенционализм, представители которого попытались соединить человекомерность процесса научного познания с требованием научной строгости теоретических построений, оригинально сочетая в своей интерпретации научного познания методологические и ценностно-психологические установки познания. Конвенциональное истолкование природы научного знания и знания имеет своей целью демонстрацию того факта, что наука – это творение рук человеческих, а также демонстрацию включенности реального человека, а не просто обезличенно-логического субъекта, в процесс научного познания.

Интерес к проблеме конвенций в научном познании был обусловлен, с одной стороны, бурным развитием современного научного знания, усложнением его структуры, созданием высокоабстрактных теоретических концепций, а с другой – ростом методологической рефлексии науки, стремлением науки осознать свои гносеологические основания.

Список литературы

1. Коськов С.Н. Конвенционализм и проблемы современной философии науки. Среднерусский Вестник, г. Орел, №3, 2009.
2. Коськов С.Н. Субъектно-объектная природа научного познания – М.: МГУ – 2007.
3. Коськов С.Н. Лебедев С.А. Конвенционализм как синтез рациональности и антропологичности научного знания. Вестник МГУ – Серия 7, Философия. №5, 2009.
4. Коськов С.Н. Мировоззренческая программа, методологическая программа и развитие эпистемологии. Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 2. С. 31-37.
5. Коськов С.Н. Конвенции и метафоры. Вестник МГУ, 2009.
6. Коськов С.Н. Взаимодополняемость семантических конвенций и метафор в языке науки. Вестник МГУ, Серия 7, Философия, 1991.
7. Лебедев С.А. Философские измерения науки. Новое в психопедагогических исследованиях. №1, 2010.
8. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки. Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 1. С. 7-13.
9. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенционалистская эпистемология. Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2013. № 2. С. 13-34.
10. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Коэволюция моделей науки и мировоззренческих установок. Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 4. С. 31.

References

1. Koskov S.N. Conventionalism and problems of contemporary philosophy of science. Srednerussky Herald, Orel, №3, 2009.
2. Koskov S.N. Subject-object nature of scientific knowledge - M.: MSU - 2007.
3. Koskov S.N., Lebedev S.A. Conventionalism as a synthesis of anthropological rationality and scientific knowledge. Vestnik MGU - Series 7, philosophy. №5, 2009.
4. Koskov S.N. Worldview program, methodological program and development of epistemology. Srednerussky Gazette of Social Sciences. 2013. № 2. pp 31-37.
5. Koskov S.N. Convention and metaphors. Bulletin of the Moscow State University, 2009.
6. Koskov S.N. Complementarity semantic conventions and metaphors in the language of science. Vestnik MGU, Series 7, Philosophy, 1991.
7. Lebedev S.A. Philosophical dimension of science. New in the psycho-pedagogical research. №1, 2010.
8. Lebedev S.A., Koskov S.N. Convention and the consensus in the context of contemporary philosophy of science. New in psychological and educational research. 2014. № 1. S. 7-13.
9. Lebedev S.A., Koskov S.N. Conventionalist epistemology. Bulletin of Moscow

University. Series 7: Philosophy. 2013. № 2. pp 13-34.

10. Lebedev S.A., Koskov S.N. Co-evolution models of science and attitudes. New in psychological and educational research. 2013. № 4. S. 31.